

Д-р Дэвид де Сильва , Культурный мир Нового Завета, Занятие 5, Семья и домашнее хозяйство

© 2024 Дэвид де Сильва и Тед Хильдебрандт

Это доктор Дэвид де Сильва в своем учении «Культурный мир Нового Завета». Это пятое занятие «Семья и домашнее хозяйство».

Семья — это самая основная социальная ячейка человеческого общества, группа, которая для большинства людей является наиболее часто встречающейся и наиболее значимой социальной единицей на протяжении всей жизни.

Какой была семья в первом веке? Какие ожидания были у членов семьи друг к другу? Другими словами, каков был повседневный контекст и этос того языка родства, который мы находим на страницах Нового Завета? Как мы можем объяснить важность, которую Павел, например, придает установлению усыновления Богом и включению в семью Авраама? Какую общину стремились воспитать ранние христианские лидеры, выбрав брата и сестру в качестве основной модели внутрицерковных отношений? Если мы хотим восстановить богатство новозаветного видения религиозных общин как дома Божьего, а также понять тексты, в которых говорится о семье, происхождении и поведении родственников, нам необходимо погрузиться в древние реалии и этику родства. Как мы установили родство в древнем мире? У риэлторов в Америке есть поговорка: три наиболее важных фактора при покупке недвижимости — это местоположение, местоположение и местоположение. В древнем мире родословная определяла место человека в социальной ткани.

Об этом свидетельствует пристальное внимание к генеалогиям в Ветхом и Новом Заветах. Если мы посмотрим, например, на Ездру и Неемию и подумаем о реформах, которые были проведены в обществе изгнанников, мы увидим, насколько важно происхождение и способность проследить происхождение для того, чтобы быть частью социального тела, известного как нация Израиля, народ Израиля. Если у вас нет поддающегося проверке происхождения внутри семьи 12 племен, вы не являетесь частью этого народа.

Внутри народа Израиля предусмотрена внутренняя структура. Внутренние иерархии формируются на основе родословной. Опять же, в тех же самых книгах мы можем обратить внимание на пристальное внимание, уделяемое сохранению и выражению происхождения жреческих и левитских кланов.

В древнем мире заслуги человека, как и его место в обществе, начинаются с заслуг его родителей, заслуг его семьи или рода, заслуг его предков. Мы кратко коснулись этого вопроса в нашем обсуждении чести. Отправной точкой чести

человека является честь семьи, в которой он родился, которую он унаследовал от предков.

Хороший пример этому можно найти в апокрифах книги Товита. Товит отправляет своего сына Тобиаса с миссией собрать серебро на вес таланта, оставленное на хранение у друга семьи во время путешествия. Товит задает вопросы о происхождении этого человека.

Итак, я прочитаю главу 5, стихи 11 и последующие. Товит спросил Азарию: Брат, из какой ты семьи и из какого колена? Скажи мне, брат. Азария ответил: «Зачем тебе знать мое племя?» Но Товит сказал: я хочу знать, брат, чей ты сын и как твое имя.

Он ответил, что я Азария, сын великого Ханании, один из твоих родственников. И сказал ему Товит: добро пожаловать. Спаси тебя Бог, брат.

Не обижайся на меня, брат, потому что я хотел убедиться в твоём происхождении. Оказывается, вы родственник хорошего и благородного рода. Ибо я знал Хананию и Нафана, двух сыновей Шемалии, и они ходили со мной в Иерусалим и поклонялись мне там, и они не впали в заблуждение.

Ваши родственники хорошие люди. У вас хороший запас. Сердечный прием.

Итак, окончательное резюме, которое может предложить Азария, — это его семейное происхождение, его ближайшие родственники. И поскольку известно, что он имеет хорошее происхождение, в глазах Товита он имеет кредитный рейтинг своих предков, и поэтому его принимают в качестве человека, который будет сопровождать сына Товита Тобиаса в этой потенциально очень опасной миссии. Итак, родство и честь в этих культурах очень тесно переплетены.

Подумайте о том, как начинается Евангелие от Матфея. Люди часто спрашивают меня, не в семинарии, а в других ситуациях, откуда я знаю больше об Иисусе. Как мне в это попасть? Я говорю: «Ну, почитайте Евангелие». И тогда я сразу же думаю про себя: «О, но не начинайте с Матфея, потому что Матфея 1:1-17 — ужасный способ начать рассказ об Иисусе, если вы родились в Америке 21 века».

Но почему Мэтью начинает именно так? Это не потому, что у него не было редактора. Это потому, что в его культуре он знает, как говорить об Иисусе, и его значение — говорить о его происхождении. Итак, это отличный способ начать историю Иисуса в первом веке, рассказав и изложив происхождение Иисуса от Авраама и Давида.

Таким образом, Матфей может доказать существенное утверждение о личности Иисуса как наследника обещаний, данных Давиду, и наследника обещаний, данных Аврааму. Итак, это в высшей степени богословская глава, хотя для нас это, возможно, похоже на чтение стереоинструкций. Еще одним аспектом этой генеалогии является акцент Матфея на числе 14.

Исследователей Нового Завета всегда раздражает тот факт, что Матфей представляет родословную Иисуса, насчитывающую 42 поколения, тогда как Лука представляет, я думаю, родословную Иисуса, насчитывающую 56 поколений. Итак, некоторые люди говорят: «Ну, это со стороны Мэри, и у них, должно быть, были плохие гены, потому что они все умерли намного раньше, потому что там 56 поколений за то время, которое требуется этой другой генеалогии, чтобы пройти через 42 поколения». Но то, что делает Матфей, по сути, подчеркивает с помощью нумерологии значение Иисуса как наследника Давида.

В иврите, где отсутствуют цифры, используются буквы и цифры. На иврите имя Давида, написанное с далетом выше и еще одним далетом, в сумме дает 14. Итак, закодирав число 14 в генеалогию Иисуса, разделив эти три главных события: Авраама, Давида, а затем изгнание, наконец, все искупленные в пришествии Христа, Матфей может кое-что сказать об Иисусе как о конечном потомке и семени Давида.

В шекспировском «Гамлете» Гамлет косо смотрит на своего дядю Клавдия, который теперь тоже стал его отчимом. В какой-то момент, после того как Клавдий произнес речь, раскрывающую некоторые черты его характера, Гамлет говорит: «Немного больше, чем родственник, и меньше, чем добрый». И под добрым там он не имеет в виду нежный и приятный.

Он имеет в виду того же рода или того же рода, вероятно, брата, настоящего отца Гамлета, которого вытеснил Клавдий. Внимание, спойлер: на самом деле он убил собственного брата. Во всяком случае, родство часто обнаруживается в существовании одного и того же рода, в отражении одной и той же сущности в некоей естественной связи.

Это может произойти на уровне этноса группы людей. Греки, которые на самом деле не могли быть связаны каким-либо прослеживаемым кровным родством, тем не менее могли говорить о своем родстве друг с другом по отношению к варварам, потому что, по крайней мере, мы, греки, независимо от нашего фактического происхождения, принадлежим к одному и тому же виду. Мы настолько похожи друг на друга, что можем считать друг друга по существу родственниками, в отличие от той группы, которая так отличается от нас.

Точно так же евреи широко признавали свое родство по отношению к неевреям, хотя это также в значительной степени коренилось в чрезвычайно обширной генеалогии, восходящей к Аврааму через Исаака через Иакова. Можно также рассматривать родство на более локальных уровнях: уровне племени, уровне клана или уровне семьи внутри клана. Уровень, на котором действовало родство, мог меняться в зависимости от контекста.

Например, в диаспоре, где евреи часто оказываются в меньшинстве, окруженные большинством других этнических групп, других рас и других наций, они могут быть более склонны относиться к другим евреям и считать других евреев своими родственниками, независимо от близости действительных генеалогических связей между ними. Ситуация могла бы измениться тогда, когда евреи составляли большинство населения в данном регионе. Например, в Галилее или в Иудее, где, поскольку большинство из нас все равно евреи, то, что действительно имеет значение для родственников, определяется более узко.

Итак, к своей семье, своему клану мы будем относиться скорее как к родственникам, а к людям других племен или даже вне нашего клана – скорее как к чужакам, а не как к семье. И со временем оно может измениться. Возьмите деревню в Иудее, в тот момент, когда по ней марширует римская когорта.

В тот момент все евреи в деревне, вероятно, чувствовали себя более близкими друг к другу благодаря присутствию этой видимой и уполномоченной внешней группы, которая определенно не была нами. Мы, по сравнению с нашими отношениями с ними, мы все семья. Но затем, после того как римская когорта исчезнет, мы могли бы вернуться к гораздо более узкому определению нашей родственной группы и больше не думать о евреях из других кланов в этой деревне как о людях, перед которыми мы обязаны семейными обязательствами.

Итак, все это можно сказать, о родстве можно думать довольно расплывчато. Наше определение может расширяться или сужаться в зависимости от обстановки и того, что в этом контексте происходит. Мне кажется, что Иисус имеет тенденцию в любом контексте отдавать предпочтение большей семье Авраама над любыми меньшими делениями, будь то деления, основанные на группах родства, или деления, основанные на сходстве.

Например, все те, кто придерживается доктрины и практики фарисеев, которые, хотя и не все тесно связаны генеалогически, скорее всего, будут относиться друг к другу скорее как к родственникам, основываясь на том, что они похожи друг на друга. другой. Против этих более мелких подгрупп родственников в Израиле Иисус продолжает указывать на отношения всех евреев друг к другу как

сыновей и дочерей Авраама. Поэтому мы должны быть людьми, которым действительно не следует отделяться друг от друга, а относиться друг к другу как к сестрам и братьям.

Например, когда его спрашивают об исцелении хромой женщины в субботу, он называет ее дочерью Авраама, утверждая существенную семейную связь между исцеленной, ранее искалеченной женщиной, и служащими синагоги, которые жалуются на его акт любви. и исцеление по отношению к ней. Он называет Закхея, которого много и в некоторой степени заслуженно оклеветали, как сборщика налогов, как человека, работающего на них в Иудее, работающего на римские оккупационные силы в Иудее, помогающего римским оккупационным силам собирать налоги и дань и набивание карманов, скорее всего, это, по крайней мере, стереотип. Но после того, как Закхей изменил свое мнение, Иисус говорит и это; он также сын Авраама.

Для Иисуса в тот момент было важно восстановить семейные отношения Закхея с остальным населением после того, как он был отчужден от них из-за своей принадлежности к римским оккупантам. Наиболее известной из них является притча Иисуса. Ее часто называют притчей о блудном сыне, но я предпочитаю называть ее притчей о двух братьях, давайте посмотрим правде в глаза, ни один из этих мальчиков в этой истории не вел себя хорошо.

В ответ фарисеям, а возможно, это были книжники и фарисеи, жалующиеся на склонность Иисуса есть с грешниками и сборщиками налогов, те, кого фарисеи считали другими, какими-то иными человеческими существами, принадлежащими к группе, отличной от нас. Иисус рассказывает эту историю, чтобы напомнить книжникам и фарисеям, что эти грешники и сборщики налогов тоже являются евреями. Они являются частью народа Израиля.

Они являются частью расширенной родственной группы Авраама. И поэтому на самом деле лучше думать о них не как о грешниках и сборщиках налогов, а как о наших братьях и сестрах. Следовательно, он рассказывает историю двух братьев, враждующих друг с другом, таким образом, что совершенно ясно становится, что ни один из них не ведет себя так, чтобы чтить отца, который делает их двоих братьями и сестрами друг для друга.

Итак, возможно, одна из наиболее важных вещей, о которых мы можем подумать при толковании Нового Завета, — это этос, этика, которая, как считалось, управляла родственными отношениями в древнем мире. Везде, где был установлен круг родства, существовала иная этика, руководившая родственниками в их отношениях друг с другом, чем руководившая их отношениями с посторонними. В конечном итоге это коренилось в убеждении, что родство означает работу на благо друг друга, а не на свое собственное благо за счет родственников.

Здесь мы подходим к основным моделям социального взаимодействия: сотрудничеству и конкуренции. В нашей первой лекции этой серии мы упоминали, что многие вещи в древнем мире считались ограниченными товарами. Чтобы я мог получить что-то больше, нужно было иметь меньше, будь то зерно, деньги, честь или что-то еще.

Таким образом, ограниченная экономика благ особенно разжигает конкуренцию как своего рода режим по умолчанию для взаимодействия вокруг приобретения этих товаров. Однако ожидалось, что семьи не будут конкурировать за товары, чтобы одна получала выгоду за счет другой, а скорее будут сотрудничать, чтобы вся родственная группа получила больший доступ к товарам, в которых она нуждалась или хотела. Сила, единство и благо всей родственной единицы — это общее благо всех ее членов.

В этом контексте отношения между братьями и сестрами часто считались одними из самых крепких и важных связей между людьми в древнем мире. Это было воплощение дружбы. Друзья будут иметь все общее.

Друзья будут разделять общие ценности и обязательства. Друзья будут заботиться об интересах друг друга и делиться ресурсами для удовлетворения потребностей друг друга. Братья и сестры обсуждались, например, в «Никомаховой этике» Аристотеля как вершина, образец дружбы в действии.

Сейчас, в Америке 20-го и 21-го веков и, вероятно, по крайней мере в Канаде и Западной Европе, мы как бы принимаем идею соперничества между братьями и сестрами. У нас с женой трое сыновей, и мы, вы знаете, перед ними древние идеалы того, как должны действовать братья, но на самом деле во многих отношениях они разыгрывают сценарий соперничества между братьями и сестрами, которое стало своего рода общепринятое и обычное явление на Западе. И, вероятно, в каком-то смысле, на самом деле, определенно был какой-то смысл, в котором братья соревновались в древнем мире, но они были очень осторожны.

Специалисты по этике были очень осторожны. Семьи были очень осторожны, чтобы не культивировать конкуренцию между братьями и сестрами, что означало, что один брат побеждал другого или получал что-то за счет другого. Таким образом, они могли попытаться превзойти друг друга в каком-то предприятии, но всегда таким образом, чтобы это приносило пользу всей семье, а не так, чтобы один брат выигрывал за счет другого.

Там, где мы обычно говорим о соперничестве братьев и сестер, люди в древнем мире обычно говорили о победе Кадмея. Возможно, эта фраза не будет иметь для нас слишком многого значения, если мы не читали много греческих драм,

но если вы вообще знакомы с историей Эдипа, вы, возможно, знаете, что она касается не только Эдипа и его поколения. Речь идет о том, что произошло с его детьми, и оно называется Кадмейским, потому что Эдип — потомок Кадма.

Итак, Эдип, после того, как произошла его трагедия, сыновья Эдипа оказались по разные стороны войны. Один из них встал на сторону персов, пытавшихся завоевать Фивы, и односторонне, конечно, на сторону фиванской армии. И они убили друг друга в бою.

Это стало известно как кадмейская победа, потому что на самом деле она представляла собой надр, низшую точку отношений между братьями и сестрами. Каждый пытался победить, но ты не сможешь победить, если сражаешься против своего брата или сестры. Одержать победу в такой ситуации просто невозможно.

Итак, в древнем мире специалисты по этике очень старались привить братьям и сестрам ценность поиска интересов друг друга. Даже в обществе, где важна честь, братья и сестры должны были защищать честь другого человека. Итак, как брат, я бы не просто стремился продвигать свои собственные, но, если бы что-то случилось со мной, я пытался найти способ позволить моему брату или сестре разделить заслуженную мной честь или доступ к некоторым привилегии, которые я получил.

Конечно, я бы никогда не стал стремиться получить что-то за счет сестры или брата. Возможно, вы уже понимаете, к чему я клоню в отношении христианского родства, когда мы называем друг друга братьями и сестрами внутри церкви, и что значит сделать это реальным. Еще одним очень важным аспектом духа родства, наряду с сотрудничеством во всем, было доверие.

Поскольку родственники сотрудничают ради продвижения интересов друг друга и семьи, они могут доверять друг другу. В древнем мире обман и ложь часто считались совершенно подходящими стратегиями для продвижения своих интересов против посторонних. Например, в апокрифической книге «Юдифь» Юдифь лжет сквозь зубы направо и налево, чтобы подобраться достаточно близко к вражескому полководцу Олоферну и отрубить ему голову.

Она пытается продвинуться вперед, снова внимание, спойлер, извините, она пытается улучшить благо своей деревни, которую осаждает этот генерал и его армия. Использование обмана, чтобы сблизиться с ним, вполне приемлемо и достойно похвалы во благо ее собственной группы родства. Однако было бы крайне позорно использовать обман или ложь против членов своей семьи.

По сути, это означает, что вы должны относиться к своим родственникам как к чужакам и нарушать доверие и обязательства сотрудничать друг с другом ради

блага друг друга. Семья должна была быть отмечена единством, гармонией, общими ценностями и общим имуществом. Братья и сестры должны были разделять общие идеалы, ценности и цели.

В древней литературе часто можно встретить повеление братьям быть единомышленными. И я говорю не только о христианской литературе, но и о греко-римской этической литературе. Чтобы сохранить их единство и гармонию любой ценой, лучше проиграть спор, потерять долю наследства, чем потерять любовь брата или сестры и нарушить или разорвать гармонию, которая должна характеризовать род.

Это единство и гармония также выражаются в совместном использовании ресурсов между родственниками, которые могут понадобиться каждому. Когда возникает конфликт или случаются травмы, братья и сестры должны искать прощения и примирения. Они должны скрывать от посторонних позор и постыдные поступки друг друга и проявлять терпение друг к другу.

Это сильно отличается от того, как человек обращается с посторонними в этом мире или реагирует на них. Это отличный учебник по этике любви между братьями и сестрами, которая актуальна, поскольку Филадельфия, любовь братьев и сестер, является очень важным этическим термином в Новом Завете. В качестве отличного учебника прочитайте трактат Плутарха о братской привязанности, иногда призывающей к братской любви.

Это чудесное окно в идеал идеала семьи в древнем мире. Давайте вместе немного подумаем о древнем доме, о том, как он выглядел и как управлялся. Аристотель, опять же в своей «Никомаховой этике», говорит как бы о домашнем хозяйстве и его персонале, а также о ролях, которые они играют, и о том, как они функционируют.

Он говорит о семье, состоящей как минимум из мужа и жены, отца и детей, господина и рабов. Что примечательно в его описании, так это то, что один из членов каждой пары на самом деле является одним и тем же человеком. Отец, муж, хозяин — это все тот же парень, который, следовательно, является своего рода центральным узлом семьи.

Конечно, существует множество возможных расширений этого основного домохозяйства. Незамужние братья и сестры, а также родственницы женского пола были обычным явлением в составе домашнего хозяйства и жили вместе с ранее описанным домашним хозяйством как часть этой единицы. Часто в него входили оставшиеся в живых родители, будь то муж или жена.

А иногда даже женатых братьев и сестер и их детей объединяли в более крупную единицу. Когда дело доходит до брака, евреи склонны вступать в брак,

склонны вступать в брак внутри этноса, внутри еврейского народа, часто внутри племени или рода. Опять же, если обратиться к апокрифической книге Товита, которая, вероятно, отражает больше этику III века до нашей эры, чем этику I века нашей эры, Товит считает женитьбу на иностранке своего рода блудом.

Для еврея было все равно, что жить во грехе, жениться вне еврейского этноса, даже вне племени. Браки обычно заключались по расчету, потому что браки объединяли семьи. И на самом деле они понимались как союзы между семьями, а не как действие, определяемое двумя влюбленными на основании индивидуальных мотивов.

И женщины всегда имели тенденцию быть, концептуально, частью семьи какого-нибудь мужчины. Домохозяйство отца до брака. Домохозяйство мужа после брака.

А если произойдет развод, она вернется в дом своего отца. В то время в разных группах населения к разводу относились по-разному. Формально среди евреев инициировать могли только мужа.

Итак, в Иудее, в тех регионах, где мы очень сознательно стремились жить в соответствии с законом Моисея в той степени, в которой это позволяли иностранные угнетатели, женам было бы очень трудно инициировать развод. Вероятно, в еврейских общинах диаспоры это было проще. Чем больше еврейская община является меньшинством, тем больше можно апеллировать к правовой системе доминирующей культуры.

Однако у римлян и греков инициатором развода мог быть либо муж, либо жена. И обычно это означало, что жена возвращается в дом своего ближайшего выжившего родственника мужского пола. Итак, отец, если он был еще жив, или брат, если отец уже умер.

Она возвращалась со своим приданым, которое было частью наследства отца невесты, и невеста брала его с собой, куда бы она ни пошла. Таким образом, оно станет частью нового поместья только в том случае, если брак продлится до тех пор, пока смерть не разлучит пару. Что-то, что сильно отличает древнее домашнее хозяйство от, по крайней мере, по крайней мере, современного американского домашнего хозяйства, заключается в том, что домохозяйства были единицами производства, а не просто единицами потребления.

Мой дом, я имею в виду, честно говоря, вы знаете, мы пятеро, мы особо ничего не производим вместе, кроме переработки и мусора. Но мы потребляем вместе.

Но в древнем мире такое домашнее хозяйство, как наше, также было базовой единицей производства. Вы могли бы рассматривать это на уровне самого высокого патриция, когда сенатор и его семья могли сами проживать в Риме и никогда не видеть загородного поместья. Но частью имения, частью дома, я бы сказал, были не только муж и жена, отец и дети, но и господин и рабы.

И этот сенатор-патриций мог иметь сотни и сотни рабов, работающих во многих поместьях далеко во внутренних районах, вдали от Рима. Таким образом, даже патрицианское хозяйство было домохозяйством, производящим крупные сельскохозяйственные предприятия, вышедшими из этой обширной, значительно расширенной семейной единицы. Теперь перейдите в гораздо более скромную обстановку – в дом ремесленника.

Например, весьма вероятно, что даже дом, который, как мы предполагаем, принадлежал самому Иисусу, был домом, в котором родился Иисус. Ремесленника Джозефа сопровождал и участвовал в этом ремесле один или несколько его сыновей, которые работали вместе, чтобы увеличить доход и поддерживать хозяйство, работая вместе. Наряду с ними, женщины в доме, то есть Мария и неназванные сводные сестры Иисуса, также внесли свой вклад, либо помогая управлять работой мужчин.

На самом деле иногда удивительно узнать, сколько женщин на самом деле вели бухгалтерские книги для этих производственных домохозяйств и тому подобного. Или участвуя в том, что в древнем мире называли женской работой. Таким образом, они могут заниматься собственным ремеслом наряду с тем, что делают мужчины, будучи как производящей, так и потребляющей единицей.

Мы могли бы также подумать, например, о семье Симона, которого стали называть Петром, и его брата Андрея. Вся их семья, вероятно, каким-то образом была вовлечена в рыболовный бизнес, как и дом Зеведея, два сына которого были с ним в лодке. И в этих сценариях вполне вероятно, что женщины дома каким-то образом участвовали в семейном рыбном бизнесе.

Недавно я был в Магдале, например, где была обнаружена своего рода отечественная промышленная зона. И это был рыбацкий город, каким, по-видимому, был Капернаум. В хозяйственных постройках было помещение, предназначенное для сушки, засолки и консервирования рыбы.

Так что, вполне вероятно, женщины дома Зеведея также занимались оказанием помощи в производстве семейного бизнеса. Теперь муж-отец-мастер в конечном итоге отвечает за ведение домашнего хозяйства. Наука древнего мира, давшая нам слово экономика.

Это называется ойкономия, правление или управление ойкосом, домашним хозяйством. Специалисты по этике говорят об авторитете этого человека как о долге, усердии и благотворной заботе. Конечно, на практике эти главы семей пользовались своей властью, отражая их собственные добродетели или их отсутствие.

И, конечно же, это строго иерархическое и патриархальное общество. Опять же, если бы мы обратились к Аристотелю, чтобы прочитать, что он говорит о домашнем хозяйстве в своей «Никомаховой этике», он говорит о мужчине как о естественном правителе в доме, а о женщине как о естественном субъекте. То есть, исходя из того, как мужчины и женщины устроены с рождения, с их природными дарованиями и ограничениями, говорит он, я сразу добавляю, он говорит, что мужчине свойственно доминировать, а женщине руководить. .

Он сравнивает власть отца над детьми и рабами с властью абсолютного монарха над своими подданными. Аристотель сравнивает власть мужа над женой с конституционным правлением среди граждан, равных по ценности, но не по власти. Итак, он наблюдает здесь некоторое различие, но тем не менее довольно четко устанавливает власть мужа-хозяина-отца над всеми остальными в доме.

Еврейские авторы на самом деле более радикальны и более радикальны в своих утверждениях. Например, Иосиф Флавий, когда кратко пишет о ведении домашнего хозяйства, пишет, что женщина, говорит закон, во всем уступает мужчине. Поэтому пусть она будет покорна не для унижения, а для того, чтобы ею можно было управлять.

Ибо власть дана от Бога человеку. Греческие, римские и еврейские специалисты по этике согласны с тем, что муж не должен использовать свою власть во вред жене. Более того, Аристотель ничего не говорит о неполноценности женщин.

Но Иосиф Флавий знает. Итак, среди этих древних источников есть некоторые различия относительно того, как именно понимается положение женщины. Я часто слышал, что в древнем мире женщины считались собственностью, движимым имуществом.

Но, честно говоря, мне еще предстоит найти греко-римского или еврейского автора, который действительно использовал бы это слово, говоря о женщинах в своих семьях. Они совершенно не стесняются говорить о рабах как о собственности. Но на самом деле я не вижу, чтобы они применяли один и тот же язык к женщинам.

Возможно, это своего рода стереотип, который мы навязываем древнему миру и который нуждается в переосмыслении. Жены рассматривались как важные

партнеры в ведении домашнего хозяйства, но, по общему признанию, всегда как младшие партнеры в силу своего пола, без какого-либо учета их дарований и способностей. В древнем мире существовал довольно хорошо сформулированный идеал женщины, жены, и по этому поводу существует большое единодушие между греческими, латинскими и еврейскими авторами.

Одной из особенностей этого идеала является подчинение, о чем мы уже говорили из цитаты Иосифа Флавия. Плутарх представляет это несколько более искусно, используя аналогию с музыкой. В своих «Советах о браке» он пишет, что при ударе двух нот мелодия принадлежит нижней ноте.

Точно так же каждое действие, совершаемое в хорошей семье, совершается по согласию партнеров, но демонстрирует лидерство и решение мужа. Мы могли, кстати, отметить, насколько другой была музыка в древнем мире. По моему опыту, я привык к тому, что у сопрано есть мелодия, а каждая другая голосовая партия ниже них имеет гармонию, но, очевидно, греческая и римская музыка действовала противоположным образом: мелодия отдавалась нижнему играющему инструменту или нижнему. певческий голос и гармония или дискант к более высокому певческому голосу.

Итак, Плутарх использует этот образ, чтобы придать нюансы изображению того, как мужа и жены хорошо относятся друг к другу. Он пытается смягчить это; все должно происходить по соглашению, но в соглашении руководит человек. Другая грань этого древнего идеала жены или женщины — это молчание и нежелание говорить.

Аристотель одобрял поэта, написавшего, что молчание – это слава женщины, а два или три столетия спустя, в совсем другой обстановке, в Иерусалиме второго века до нашей эры, Бен-Сира пишет, что молчаливая жена – это дар Господа, и ничего такого нет. драгоценна, как и ее самодисциплина. Очевидно, молчание, сдержанность в самовыражении сопутствует подчинению и ожиданию, когда муж возьмет на себя инициативу.

Третий аспект этого идеала — уединение, женщина держится в частных пространствах домашнего хозяйства или, если она находится на публике, в общественных местах, предназначенных для женщин, таких как рынок или, в некоторых пустынных обществах, колодец. Филон, еврейский писатель, писавший в Александрии (Египет) в первой половине первого века нашей эры, пишет, что женщинам лучше всего подходит домашняя жизнь, которая никогда не выходит за пределы дома, внутри которого есть средняя дверь, внутренняя дверь, средняя дверь. дверь принимается девушками за свою границу, а внешняя дверь — теми, кто достигает полной женственности. Плутарх, греческий писатель-нееврей, писавший около 100 г. н. э., пишет, что хорошую

женщину следует видеть чаще всего тогда, когда она с мужем, и оставаться дома или прятаться, когда его нет.

И снова мужчины штурмом захватили общественные места, но идея для женщин была совершенно иной. И наконец, последний и обязательный аспект этого идеала — сексуальная чистота. Анонимный специалист по этике-неопифагорейцем писал, что величайшей добродетелью женщины является целомудрие, под которым он подразумевает сексуальную исключительность, целомудрие до брака и сексуальные отношения с одним мужчиной на протяжении всей ее жизни.

И это подтверждается греческими, латинскими и еврейскими текстами. В предыдущей лекции мы говорили о «Четвертой Маккавейской книге», книге, в которой, среди прочего, женщину восхваляют за ее мужественность, за ее мужество, за храбрость, которая посрамила бы мужество, проявленное мужчинами на поле битвы. Но даже после всего этого автору приходится в конце концов вернуться, чтобы подчеркнуть ее женскую добродетель.

Итак, в последней главе мы читаем ее слова: «Я была чистой девой и не выходила за пределы дома отца моего». Это уединение, которое способствует целомудрию. Но я охранял ребро, из которого была сделана женщина.

Никакой соблазнитель не развратил меня на пустынной равнине, и губитель, лукавый змей, не осквернил чистоту моего девства. В пору своей зрелости я осталась с мужем. Итак, эта идея сексуальной исключительности для одного мужчины и с ним на протяжении всей жизни.

От размышлений о браке и, в частности, об идеале жены в древнем мире мы возвращаемся к детям и их реальности. Дети в древнем доме находились под абсолютной властью своих родителей, особенно отца. И их учили понимать свой долг перед родителями.

Дети, сказал бы, например, Аристотель, никогда не смогут отплатить своим родителям долг за дар самой жизни, не говоря уже о воспитании и воспитании. Итак, дети должны продолжать чтить своих родителей и проявлять благодарность во всех ее формах на протяжении всей жизни своих родителей. Это был особый знак сыновней почтительности, исполнения сына или дочери долга по уходу за престарелыми родителями.

Считалось, что дети во всех существенных отношениях похожи на своих родителей. Мы уже видели, как благородное происхождение положительно отражается на детях. Частый способ оспорить честь человека в древнем мире — рассказать о его происхождении.

Возможно, это не так уж сильно изменилось, но рассмотрим, например, Евангелие от Иоанна, где критики Иисуса заявляют, что они являются детьми Авраама. И Иисус отвечает: вы потомки сатаны. Ты порождение сатаны.

Нападки на отцовство как способ нападок на честь. Образование в древнем мире сильно различалось. Это началось в доме для всех людей, но часто ограничивалось домом для семей с меньшим достатком.

Это включало бы изучение семейного ремесла и достаточную грамотность для ведения бизнеса, если бы это было актуально, а также ценности и мораль более широкой группы, к которой принадлежала эта семья. Религиозное обучение было делом дома. Во-первых, мы могли бы рассмотреть здесь Второзаконие 6:6-9 как яркий пример.

Этот основной текст иудаизма наиболее близок к вероучению иудаизма. Вот, Израиль, Господь Бог наш, Господь один, или Господь Бог наш один. Но самое следующее, или почти самое следующее, что будет сказано, вы будете учить заповедям вашего Господа своих детей.

Родители должны передать религиозное наставление следующему поколению. Если бы мы снова обратились к 4 Маккавеям 18, в стихах с 10 по 19, мы бы увидели чудесную картину исполнения предписания Второзакония 6, когда мать помнит, как отец семьи последовательно и терпеливо прививал ценности и истории и надежду, содержащиеся в Священных Писаниях Израиля в их семи сыновьях, что сделало их такими людьми, какими они оказались в тот роковой день, когда решили умереть ради благочестия. Для детей мужского пола из умеренно или даже более богатых семей образование могло бы быть более обширным.

Многие такие семьи, и сейчас мы, конечно, говорим о высшем эшелоне, может быть, от 2 до 5% верхних семей, могли позволить себе владеть несколькими рабами. Если бы у них были дети, один из этих рабов мог бы выполнять функции педагога, и это был бы раб, основная обязанность которого заключалась в том, чтобы учить детей манерам и следить за тем, чтобы дети знали, как оставаться в очереди, когда детей начинают чему-то учить. чтобы убедиться, что дети сделали домашнее задание и на следующий день вернулись к своему учителю полностью подготовленными.

Хм, мне кажется, что педагоги — это неплохая идея. Но тогда педагог на самом деле не был учителем. От него произошло наше слово «педагогика», но на самом деле это своего рода ложная связь.

Настоящие учителя должны были находиться вне дома, а педагог был специалистом по дисциплине, который, среди прочего, следил за тем, чтобы

уроки были усвоены, а домашнее задание было выполнено. Для граждан греческого или римского города или колонии фактически почти в каждом городе существовала сильная система государственного образования для того очень ограниченного круга людей, граждан этого города. Во многих древних городах до сих пор сохранились руины гимназии, гимназии, которая, конечно, была местом обучения легкой атлетике, занятий спортом и поддержания физической формы, но все это было частью гораздо более широкой программы образования.

Гимназия была также местом, где граждане изучали грамматику, риторику, логику, философию, литературу, геометрию, музыку и всю учебную программу древнего мира. Существовали также школы разного типа в различных контекстах. Например, мы знаем, что в еврейском контексте существовали школы, которые могли включать в себя некоторые из этих других областей обучения, но были в первую очередь сосредоточены на преподавании Торы, обучении традиции мудрости Израиля и, возможно, в лучшем случае, на сплетении воедино традиции мудрости. Израиля и религиозное обучение Торе вместе с другими видами некоренного образования.

Мы подходим к последнему слою домашнего хозяйства, самому нижнему слою домашнего хозяйства. По-другому сказать нельзя, а именно рабство. Рабство было невероятно распространено в древнем мире. По оценкам, каждый пятый житель Средиземноморья был рабом.

В некоторых городских условиях этот показатель может быть даже увеличен до одного из четырех или, по некоторым оценкам, даже до одного из трех. Рабство часто было результатом военного завоевания или подавления восстания. Так, например, по мере того как Рим расширял свои границы, люди, которых он завоевывал силой, часто оказывались проданными в рабство внутри империи.

Таким образом, по мере расширения Рима доступность рабов для всей империи также увеличивалась. На протяжении всей книги «Тацит» и «Флавий Флавий» вы можете прочитать, как те, кто занимался работоторговлей, путешествовали вместе с армией и следовали за ней, потому что они знали, куда направляется армия, где будут производить рабов, и они хотели быть там, чтобы нажиться на первом этаже, по сути. и покупать рабов напрямую у армии, а затем продавать их обратно, ближе к сердцу империи, ради их прибыли. Рабство также могло быть результатом наложения наказания за преступное деяние.

Это было обычное наказание за самые разнообразные преступления. Если ты родился в семье рабов, ты был рабом. Еще одним источником этого было простое деторождение среди рабов.

А дефолт по долгу, особенно в Египте, часто приводил к порабощению неплательщика, которого продавали для погашения части или всего долга. И потом, конечно, он принадлежал или она принадлежала кому-то другому. Древняя экономика существовала благодаря рабству и была полностью построена на рабстве.

Итак, думая о богатстве древней Греции, эллинистического мира, богатстве Рима и тех, кто получал прибыль от Рима, нам нужно помнить, что все они получают прибыль благодаря, по крайней мере, косвенно, а во многих случаях напрямую, из-за института рабства во всей Римской империи и возвращения к Аристотелю, который был отличным информатором практически обо всем в древнем мире, потому что он писал практически обо всем. Аристотель говорит о рабе как о живом орудии.

Это пресловутое определение, но, по сути, оно его отражает. Оно точно отражает, что такое раб для Аристотеля. Раб отличается от молотка тем, что раб жив, а молоток нет.

Но с точки зрения прав и степени власти хозяина над собственностью хозяина раб и молот мало чем отличаются. Аристотель рассуждает, что некоторые являются рабами по природе, другие — по воле случая. То есть, по его мнению, возможно, некоторые страны просто разводят рабов.

Но он также знает людей, рабов, которые не являются рабами. Из-за какого-то несчастья они были обращены в рабство. Например, военное завоевание.

Во времена Аристотеля — завоевание города-государства над городом-государством или продвижение Персидской империи на большую часть мира к востоку от места, где жил Аристотель. Раб находился в полной власти хозяина. Но специалисты по этике пытались привить рабовладельцам осторожность в использовании этой власти.

Например, Аристотель пишет, что злоупотребление этой властью вредно для обеих сторон. Ибо интересы части и целого, тела и души одни и те же. А раб — это часть господина, живая, но обособленная часть его телесного каркаса.

Несмотря на всю этику, обращение с рабами могло быть жестоким. И когда это произошло, не было никаких юридических средств. Некоторые специалисты по этике пытались противодействовать дисбалансу сил между хозяевами и рабами, поощряя отношения взаимности между хозяевами и рабами.

Итак, тот тип отношений, о котором мы говорили под покровительством, или дружбой, или взаимностью, был бы привнесён в отношения господин-раб, поскольку эти писатели пытались воспитать желание со стороны обеих сторон

обмениваться добротой в рамках этого неравноправного отношения. И я думаю, что мы видим что-то подобное в истории из 7-й главы Евангелия от Луки, где центурион заботится о благополучии своего раба, но настолько заботится, что идет на многое и даже в некоторой степени пренебрегает своей собственной честью, чтобы добиться, достичь для своего раба то, что нужно этому рабу, а именно исцеление. Однако ничто не могло изменить того факта, что все аспекты жизни раба, даже его или ее деторождение, находились под властью и авторитетом хозяина и, следовательно, полностью зависели от добродетели или отсутствия добродетели этого раба. Владелец.

Рабам можно поручить самые разнообразные задачи, и они проживут свою жизнь в самых разных местах. На худшем конце спектра находились рабы, которые были прикованы цепями к лодкам, гребли на военных или торговых кораблях или работали в шахтах, что часто ожидалось, что это приведет к смерти всего через несколько лет. Но были также, в самом дальнем конце спектра, рабы в доме императорского императора.

Некоторые из рабов в доме императора обладали большей властью, чем губернаторы в провинциях, и могли накопить для себя больше богатства, чем губернаторы в провинциях, становясь в конечном итоге самостоятельными освобожденными людьми и известными агентами. В Эфесе есть большие ворота на большую агору, рыночную площадь, место городских ремесленников. И эти ворота, южные ворота, были построены двумя вольноотпущенниками из дома Августа.

И это свидетельство двух вещей. Во-первых, это свидетельство благодарности своему покровителю, поскольку эти вольноотпущенники считали Августа своим покровителем, потому что он даровал им свободу. Но также это свидетельство того, насколько богатыми и могущественными могли бы стать некоторые рабы, если бы им посчастливилось стать имперскими рабами, а не оказаться в каком-то другом месте.

Мы много говорили о родстве внутри естественных домашних хозяйств, но родство также означало нечто большее, чем кровное родство, даже для людей в древнем мире. Филон, наш еврей из Александрии, живший в начале первого века, пишет, что родство измеряется не только кровью, но и сходством поведения и стремлением к одним и тем же целям. Филон указывает также, что неспособность разделять идеалы, например отступничество одного члена семьи от еврейского образа жизни, приводит к разрыву родственных связей.

Филон ставит приверженность Богу и еврейскому образу жизни выше естественного родства, когда он призывает своих читателей следить за тем, чтобы обращались язычники, люди, которые никаким генеалогическим образом не могут быть связаны с еврейским народом, когда он призывает своих

читателей позаботьтесь о том, чтобы новообращенные язычники, которые оставили позади, цитирую, свою страну, своих родственников и своих друзей ради добродетели и религии, нашли прием в новой семье, еврейской общине. Точно так же Иисус признает, что следование за ним угрожает естественным родственным связям, и поэтому говорит о том, что его последователи вместе образуют новую семью. Мы могли бы назвать это фиктивной группой родства, не связанной кровью и генеалогией как таковой, но разделяющей настолько близкие друг к другу обязательства, что быть добрым, быть подобным себе важнее, чем быть родственником в естественном смысле.

Итак, говорит Иисус, кто любит отца или мать больше меня, тот не достоин меня. Кто любит сына или дочь больше меня, тот меня не достоин. Итак, на этой ноте Иисус ожидает потенциального разрыва естественных родственных связей ради ученичества.

И тогда, с другой стороны, всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или детей, или поля ради имени Моего, получит сторицей и наследует жизнь вечную. Те, кто собираются вместе в кругу Иисуса, становятся друг для друга братьями и сестрами, матерью и детьми, а дома единоверцев и поля единоверцев становятся собственными домами и полями в этой жизни, как бы восполняя потерю любых естественных родственных отношений. Что ж, мы хотим взглянуть на Новый Завет, и в следующей лекции мы собираемся рассмотреть Первое послание Петра, в частности, чтобы подумать о том, как этот фон помогает нам увидеть, что происходит в ранней церкви по мере ее формирования. вымышленная группа родства.

Как задумана эта новая семья? Как этос родства формирует дух взаимоотношений в ранней церкви? И каково влияние? Если посмотреть с другой точки зрения, каково влияние раннехристианского возвещения на естественные домохозяйства и естественные родственные отношения? Мы увидим, что точно так же, как Первое послание Петра от начала до конца отражало ценности чести и стыда, оно также очень, очень ясно отражает ценность родства, дух родства, используя домашнее хозяйство в качестве основной метафоры для размышлений о Церкви и ее внутренние взаимоотношения.

Это доктор Дэвид де Сильва в своем учении «Культурный мир Нового Завета». Это пятое занятие «Семья и домашнее хозяйство».